

Bibliotheca Indoesiana.

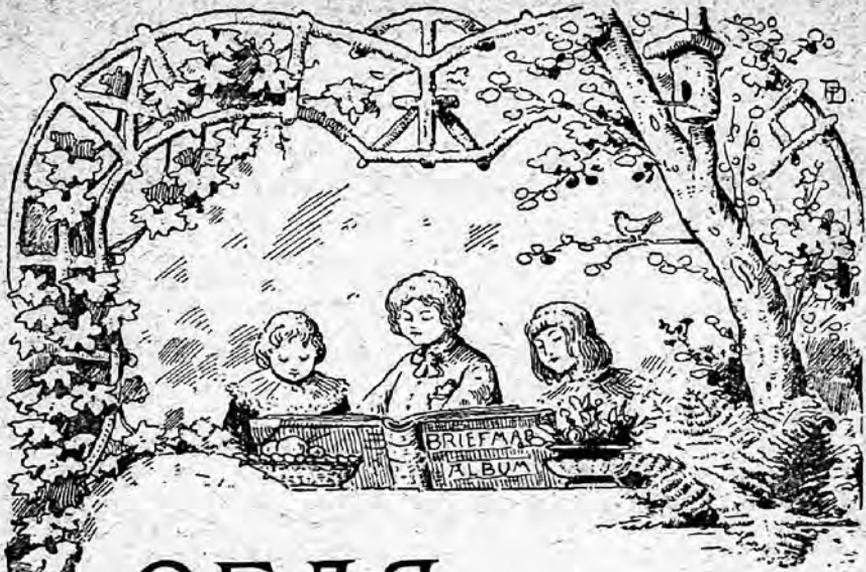
PHILATELIC SECTION.

vol. 104.

Crawford 862(1-8)

ФЕДЯ

СОБИРАТЕЛЬ МАРОКЪ.

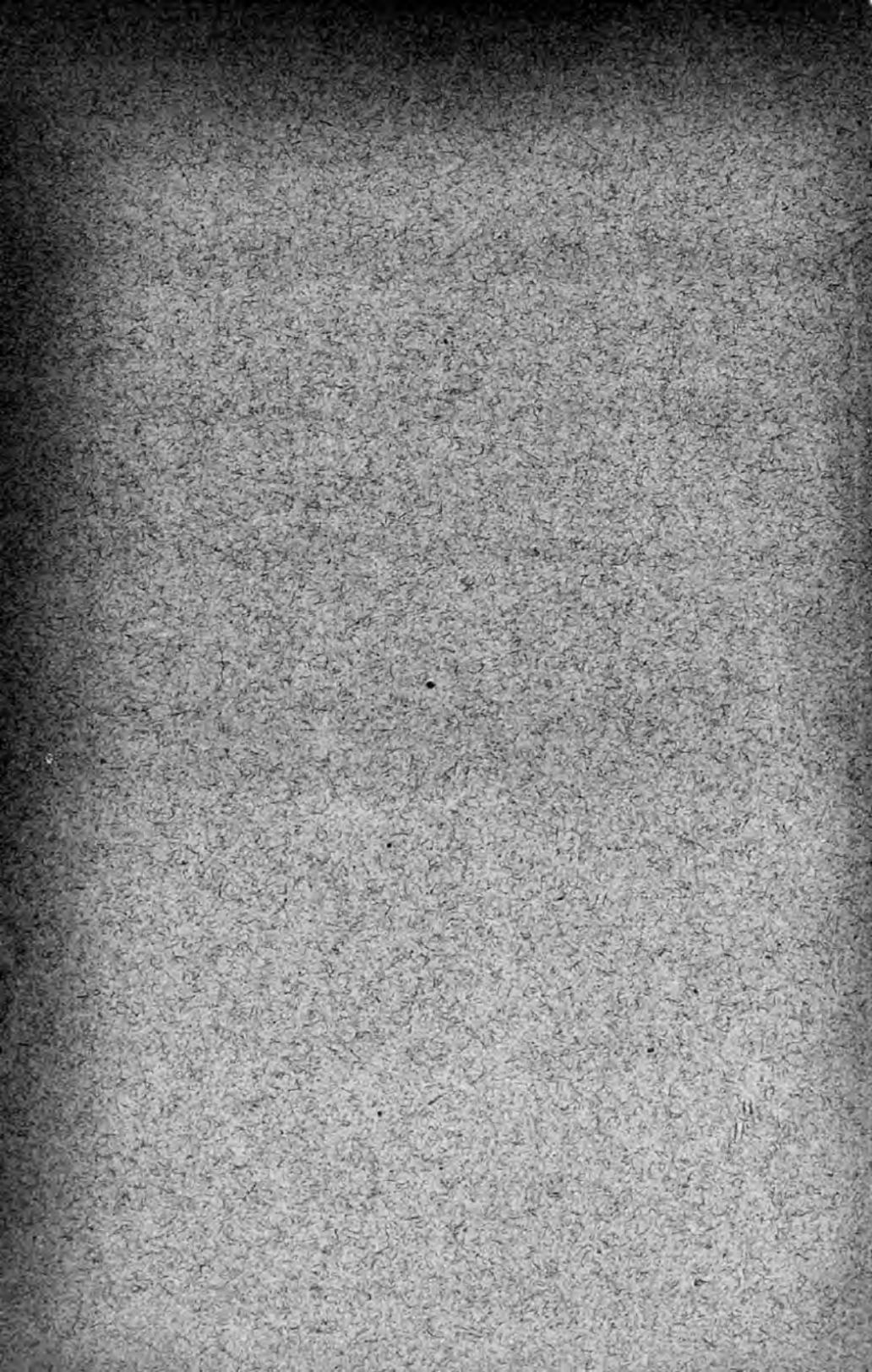
Разказъ для дѣтей школьнаго возраста

К. Кроме-Швиницгъ.

Переводъ съ нѣмецкаго.

С. ПЕТЕРБУРГЪ.

1903.

ΘΕΔΥ

СОБИРАТЕЛЬ МАРОКЪ.

Разсказъ для дѣтей школьнаго возраста

Ю. Кроме-Швинингъ.

Переводъ съ нѣмецкаго.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

1903.

Дозволено цензурою. С.-Петербургъ, 1-го Февраля 1903 г.

Типографія Ю. Штафа, Кузнечный пер., № 18.

ольшой мощный камень дворъ, заключенный между широкимъ строеніемъ, выходящимъ на одну изъ главныхъ улицъ города П., и двумя длинными боковыми флигелями, оглашался обыкновенно въ полдень и къ вечеру врикомъ и шумомъ нѣсколькихъ мальчиковъ—обитателей этого двора. Здѣсь они затѣвали веселыя игры, устраивали маленькія сраженія и т. п. Маленькій садикъ въ концѣ двора считался неприкосновенной частью и въ ней не дозволялись игры. Эту часть двора мальчики посѣщали рѣже, предоставивъ ее дѣвочкамъ. Маленькія клумбы и лужайки сада, покрытыя зеленой травкой, требовали осторожнаго обращенія и тѣмъ стѣсняли свободу игръ, тогда какъ дворъ представлялъ въ этомъ отношеніи совершенно противоположное.

На дворѣ собирались дѣти со всѣхъ флигелей. Различное служебное положеніе родителей не мѣшало сближаться дѣтямъ. Сыновья статскаго совѣт-

ника, Лева съ Павлей, жившіе въ первомъ этажѣ, были въ хорошихъ товарищескихъ отношеніяхъ съ постоянно веселымъ Ваней, отецъ котораго былъ старшимъ мастеромъ на фабрикѣ, и съ тихимъ Ѳедей, единственнымъ сыномъ вдовы учителя, жившей въ боковомъ флигелѣ и безъ устали работавшей, чтобы дать сыну возможность посѣщать гимназію, въ которой учились Лева и Павля. Безъ раздоровъ, конечно, не обходилось, и — виновниками раздора были Митя и Вани, два брата-сорванца, сыновья зупца, занимавшаго квартиру въ третьемъ этажѣ.

Изрѣдка въ играхъ этихъ шести мальчиковъ принимали участіе двѣ дѣвочки: Оля, сестра Левы и Павли, рѣзвая веселая дѣвочка, и Лиза, дочь фабричнаго мастера, сестра Вани, тихая благовоспитанная дѣвочка, голубоглазая со вьющимися золотисто-бѣлокурыми волосами. Лиза, къ которой всѣ мальчики питали нѣкотораго рода уваженіе, бывала часто примирительницей, когда иногда спокойно и мирно начавшаяся игра превращалась въ правильный рукопашный бой. Драка кончалась живо, потому что, несмотря на различіе характеровъ, мальчижи все-таки жили дружно и были привязаны другъ къ другу.

Самый тихій изъ нихъ былъ Ѳедя, и когда какое-либо происшествіе или зрѣлище увлекало всѣхъ мальчиковъ со двора на улицу, онъ оставался съ дѣвочками, которыя въ бесѣдкѣ совѣтника занимались своими куклами. Ѳедя особенно охотно оста-

вался съ дѣвочками, такъ какъ Лиза всегда интересовалась его любимымъ занятіемъ.

Въ Оедѣ съ самаго ранняго дѣтства проявилась наклонность собирать коллекціи. Уже семилѣтнимъ ребенкомъ, еще при жизни отца, который постарался заранѣе познакомить своего любознательнаго мальчика съ тайнами природы, Оедя приносилъ домой камни и цвѣты, старательно ихъ высушивалъ, сохранялъ. Со смертью отца Оедя и его мать переселились въ П. Здѣсь ихъ посѣтилъ родственникъ матери, служившій штурманомъ на кораблѣ, который отправлялся въ Южную Америку. Этотъ родственникъ, желая обрадовать и заинтересовать своего скромнаго съ сіяющими глазами племянника, подарилъ Оедѣ множество красивыхъ пестрыхъ бумажекъ, почтовыхъ марокъ заморскихъ государствъ, собранныхъ имъ во время своихъ путешествій.

Эта горсть иностранныхъ почтовыхъ марокъ до того увлекла Оедю, что онъ забылъ камни и цвѣты. Съ большимъ вниманіемъ и по нѣсколько разъ разсматривалъ и изучалъ онъ гербы, ландшафты, головы, животныхъ, украшавшихъ среднее поле марокъ, и какъ бы рассказывавшимъ ему о таинственныхъ чужихъ странахъ и народахъ, о животныхъ и растеніяхъ, которыя можетъ произвести только тропическій поясъ, о другомъ государственномъ устройствѣ, о монетахъ и языке. Съ тѣхъ поръ его врожденное влеченіе къ коллекціямъ обратилось на почтовые марки. Радости его не было границъ, когда на

слѣдующее Рождество онъ увидѣлъ на столѣ, подъ маленькою елкою хорошенькій альбомъ для почтовыхъ марокъ, въ которомъ онъ могъ легко отыскать точное мѣсто для каждой изъ своихъ любимицъ-марокъ, такъ какъ въ альбомѣ были напечатаны изображенія марокъ всѣхъ странъ и государствъ, размѣщенныхъ по порядку.

Въ то время, когда шумная ватага мальчиковъ бывала чѣмъ-нибудь увлечена на улицу, Оедя приходилъ къ дѣвочкамъ въ садъ со своимъ сокровищемъ-альбомомъ, тщательно обернутымъ въ газетную бумагу. Отецъ Лизы съ удовольствіемъ занимался собираніемъ марокъ, и по вечерамъ, послѣ ужина или до обѣда, въ свободные воскресные дни, онъ много возился со своими маленькими пестрыми любимицами. Лиза, видя, какъ отецъ занимается марками, помогала Оедѣ совѣтомъ. Напримѣръ, отецъ съ помощью чистой воды сначала отдѣлялъ вновь пріобрѣтенныя почтовые марки отъ приставшей къ нимъ грязи и бумаги, просушивалъ ихъ съ помощью пропускной бумаги или грубаго полотенца и тогда только вклеивалъ въ свой объемистый альбомъ посредствомъ маленькихъ кусочковъ нагуммированной бумаги. Жадно вслушивался Оедя, когда Лиза передава ему это, и быстро усвоилъ способъ обращенія съ почтовыми марками. Его благодарность Лизѣ была безгранична, особенно когда коллекція его еще увеличилась марками, которыя она выпрашивала у отца, замѣтивъ у него двойные экземпляры.

Трое дѣтей, сидя вмѣстѣ въ бесѣдѣ, представляли изъ себя хорошенькую картину. Посрединѣ Одея съ раскрытымъ альбомомъ, по обѣ стороны дѣвочки, вудрявыя головки которыхъ близко придвинулись къ его головѣ, и онъ съ сіяющимъ взоромъ старается обратить ихъ вниманіе на подробности, показывая имъ на одной изъ марокъ съ острова Тонго хлѣбное дерево, на маркѣ съ острова

1897.

1892.

1891.

Селангора—тигра, на болѣ позднихъ маркахъ портреты многихъ правителей и наконецъ началъ имъ рассказывать о королѣ Оскарѣ II. Въ Оедѣ вѣдь одновременно съ собираніемъ почтовыхъ марокъ пробудилось стремленіе къ знанію, которое не давало ему покоя, пока онъ не розыщетъ въ своихъ учебникахъ по исторіи и географіи то, что могло бы объяснить ему изображенія на маркахъ.

Въ одну изъ субботъ, въ послѣобѣденное время, незадолго до Пасхи, Митя и Витя, по обыкновенію, предводительствовали мальчиками. Витя, бродя однажды по городскому парку, замѣтилъ птичье гнѣздо съ пятью яйцами и сообщилъ объ этомъ открытіи

своимъ товарищамъ. Павля выразилъ свои опасенія насчетъ послѣдствій, которыя могли бы произойти изъ-за разрушенія гнѣзда, но долженъ былъ уступить большинству. У другихъ, конечно, сейчасъ же былъ готовъ планъ: составить въ предстоящее лѣто грандіозную коллѣкцію яицъ, а изъ поисковъ за гнѣздами развить новый спортъ. Замѣчаніе Вани, что на это у нихъ не хватитъ терпѣнія—осталось безъ вниманія. Горячій споръ произошелъ по поводу того, взять ли Ѳедю съ собой въ эту интересную экспедицію; мальчики нисколько не задумывались надъ тѣмъ, что затѣя эта была дурная.

Павля рѣшилъ быстрѣе всѣхъ: „Ѳедя, все равно, не пойдетъ съ нами, тѣмъ болѣе, когда онъ знаетъ, что это запрещено!“

Митя также быстро объявилъ съ усмѣшкой: „Да вы съ ума сошли! Его только то и не доставало!“

Наконецъ и Витя далъ окончательный перевѣсъ рѣшенію своимъ прагматическимъ совѣтомъ: „Вѣдь въ гнѣздѣ всего пять яицъ, а съ Ѳедей насъ было бы шестеро!“

Въ день, назначенный для поисковъ за гнѣздами, Ѳедя не засталъ своихъ товарищей на обыденномъ мѣстѣ, но онъ не замѣтилъ ихъ отсутствія. Сердце молодого собирателя было полно радости, которой онъ хотѣлъ подѣлиться съ Лизой и Олей.

За нѣсколько дней до этого мать его (которая была блѣднѣе и озабоченнѣе, чѣмъ когда-либо) положила за обѣдомъ около его тарелки, адресованное

на его имя, письмо съ пестрыми почтовыми марками. Письмо было отъ его дяди-моряка, который написалъ ему изъ Балтимора нѣсколько строкъ, приложивъ 6 новыхъ большихъ американскихъ марокъ. Въ письмѣ сообщалось, что это — марки съ Омага сѣверо-американской Уніи, и что эта серія выпущена въ память одного событія, и потому онѣ будутъ въ употребленіи только самое короткое время. Роскошно исполненные рисунки марокъ, рассказывающіе цѣлыя главы изъ исторіи американскихъ открытій и перваго заселенія страны, чрезвычайно возбудили въ мальчикѣ жажду знанія; и Одея не успокоился до тѣхъ поръ, пока одинъ изъ старшихъ учениковъ не перевелъ ему мелкія англійскія надписи, пока онъ самъ не отыскалъ въ старомъ энциклопедическомъ лексиконѣ своего покойнаго отца объясненіе всего, на что указывали ему хорошенькія картинки прекрасныхъ исполненныхъ марокъ.

Одея особенно радовался этой субботѣ. Онъ зналъ, что Лиза будетъ въ своемъ любимомъ уголкѣ, въ саду, а рѣзвая Оля, уже очень привыкшая къ своей подругѣ, присоединится къ ней. Поэтому, окончивъ старательно свои уроки на понедѣльникъ, онъ спѣшилъ со своимъ альбомомъ внизъ, въ садъ, съ нетерпѣніемъ стараясь узнать, тамъ ли обѣ дѣвочки.

Дѣйствительно, издали уже до него донесся веселый смѣхъ Оли, и ея глаза выразили искреннее удивленіе, при видѣ быстро подходившаго Оеди.

„Лиза, Лиза, Одея идетъ,“ закричала она своей

подругѣ. „Почему ты не пошелъ съ другими? Они сейчасъ же послѣ обѣда живо убѣжали. Они сегодня что-то особенное затѣяли. Моимъ братьямъ чуть не попало отъ папы за то, что они были такъ нетерпѣливы и спѣшили за обѣдомъ.“

„У меня прекрасныя марки!“ сказалъ Оедя вмѣсто отвѣта, и лицо его освѣтилось радостью, которую онъ испытывалъ. „Я очень радъ этимъ маркамъ и не промѣняю свое счастье ни на что!“

„Иди же скорѣй!“ закричала бойкая Оля, между тѣмъ какъ Лиза вопросительно подняла глаза.

„Самыя новыя марки изъ Америки,“ сказалъ Оедя, запыхавшійся отъ быстрого бѣга, — „я хочу ихъ вамъ показать, ужъ очень онѣ хорошенькія. Картины на нихъ такія крошечныя, что я выпросилъ у мамы увеличительное стекло, которое она употребляетъ при самомъ тонкомъ вышиваніи, — въ него ихъ можно совсѣмъ ясно разглядѣть. Я могу вамъ также все объяснить. Идите же! Я ихъ еще не вклеилъ въ альбомъ, чтобы вамъ удобнѣе было ихъ рассмотреть.“

Обѣимъ дѣвочкамъ не надо было этого повторять, и дрожащей отъ радости рукой Оедя взялъ зеленую

1898.

марку въ 1 центъ и показалъ ее дѣвочкамъ. —

„Видите этого мужчину въ плащѣ, который стоитъ въ лодкѣ съ гребцами-индѣйцами и указываетъ на ис-

чезающее вдали теченіе рѣки. Эта рѣка Миссис-сиппи, а мужчина въ лодкѣ—патеръ Маркетъ, фран-цузскій изслѣдователь, открывшій „отца водъ.“ По-смотрите, какъ миниатюрны и все-же какъ отчетливы всѣ фигуры, и какъ ясенъ ландшафтъ.

Осторожно положивъ марку на ладонь, Лиза дала ее разсмотрѣть рѣзвой Олѣ въ увеличительное стекло, держа его надъ маркой. Одея съ благодарностью взглянулъ на Лизу, что она такъ бережно обраща-лась съ его маркой. Ему было бы очень больно, еслибъ одну изъ его хорошенькихъ марокъ помяли бы или надорвали.

„Дальше!“ торопила Оля, „у тебя ихъ еще много!“

Одея подаль Лизѣ буро-красную марку въ 2 цента.

„Что же тутъ представлено?“ спросила Лиза, встряхнувъ своими локонами.

„Я досталъ объясненіе надписи,“ пояснилъ Одея. „Чѣмъ больше увеличивалось заселеніе востока Сое-диненныхъ Штатовъ, тѣмъ дальше тѣснились посе-ленцы къ западу, гдѣ тянулись громадныя прост-ранства невоздѣланной земли. Эта картинка пред-ставляетъ, какъ они въ самомъ началѣ въ потѣ лица своего, съ большимъ трудомъ, старательно воз-дѣлывали землю. Видите здѣсь, на первомъ планѣ четверку съ плугомъ и сохой, а сзади, совсѣмъ мелко, цѣлый рядъ ихъ. Много нужды и труда вы-

1898.

несли эти чужеземные переселенцы на западъ Америки, пока почва вернула имъ плодъ, воздавъ ихъ труды сторицей,“ продолжалъ Одея, съ раскраснѣвшимъ отъ волненія лицомъ; „смотрите же, какая грустная картина на сѣро-фіолетовой маркѣ въ 10 центъ. Вы должны внимательное смотрѣть и правильно держать надъ ней увеличительное стекло, тогда вы все увидите совсѣмъ ясно. Семья переселенцевъ ѣдетъ въ крытой полотномъ повозкѣ совсѣмъ

1898.

одинокая по пространной, лишенной деревьевъ преріи. Пара лошадей, впряженныхъ въ повозку, составляютъ самое большое и цѣнное имущество фермера. Вдругъ одна изъ

нихъ, обезсиленная непомѣрными трудами, издыхая, падаетъ на землю. Видите, какіе опечаленные стоятъ при этомъ фермеръ и его жена? Что имъ дѣлать, когда ихъ покинетъ и послѣдній четвероногій товарищъ, который съ тихимъ ржаніемъ наклоняется къ своему павшему товарищу?“

Крупныя слезы навертываются на добрыхъ глазахъ Лизы и, замѣтивъ слезы, Оля начинаетъ успокоивать ее, говоря: „Лиза, вѣдь это же только картинка, какъ можно изъ за этого плавать?“

„Не говори этого, Оля,“ сказалъ Одея. „Когда я увидѣлъ эту картинку, у меня тоже навернулись на глазахъ слезы. Мнѣ приходилось читать рассказы,

въ которыхъ о подобномъ было писано, но никогда они не производили на меня такого впечатлѣнія, какъ эта маленькая картинка, которую едва можно разглядѣть простымъ глазомъ.“

„Оеда, какъ хорошо ты все умѣешь рассказать“, замѣтила Оля съ восхищеніемъ. „Мои братья не сѣумѣли бы такъ! Читать—брр!.. Они даже въ свои учебники не заглянутъ хорошенько. Папа ихъ недавно опять вразумлялъ!..“ И она правой рукой сдѣлала пояснительное движеніе, которое дало понять, что статскій совѣтникъ могъ быть и строгимъ въ отношеніи своихъ дѣтей.

„Разсказывай дальше, Оеда,“ попросила Лиза.

Оеда вынулъ другую марку, красиваго оранжеваго цвѣта, и осторожно положилъ ее Лизѣ на руку.

„Преріями, обширными луговыми пространствами Сѣверной Америки, кормятся многія рѣдкія породы дикихъ звѣрей. Самая цѣнная и распространенная изъ дикихъ породъ были издавна бизоны, принадлежащіе къ той породѣ буйволовъ, которая отличается отъ африканскихъ и азіатскихъ своимъ за-
гривкомъ, преобразовав-
шимся въ горбъ и болѣе короткими рогами. Эта марка въ 4 цента представляетъ охоту индѣйцевъ на буйволовъ. Убитое животное доставляетъ шкуру вѣсомъ въ 60—90 фунтовъ. Шкура покрыта очень

1898.

тонкимъ пушистымъ волосомъ, называемымъ также бизоновою шерстью, которую перерабатываютъ въ тонкія ткани и фетровыя шляпы. Отдѣланная кожа употребляется главнымъ образомъ на приготовленіе кнутовъ. Мясо и сало также цѣнны.“

„При всѣхъ своихъ трудахъ фермеры на востокѣ должны были еще претерпѣвать много опасностей, которыя имъ угрожали со стороны индѣйцевъ, первобытныхъ жителей этихъ огромныхъ прерій,“ продолжалъ Оеда. „Чѣмъ дальше бѣлокожіе переселенцы водворялись въ ихъ области, тѣмъ больше кровопролитій происходило между ними. На этой

1898.

коричневой маркѣ въ 8 центъ, вы видите, какъ американскіе союзные солдаты защищаютъ эмигрантовъ отъ нападенія индѣйцевъ. Впереди группа солдатъ, которые стрѣляютъ въ индѣйцевъ, а совсѣмъ позади длинной вереницей крытыя холстомъ повозки, въ которыхъ укрываются семьи поселенцевъ во время переѣзда на новое мѣстожительство.“

1898.

Оеда положилъ на альбомѣ марки, которыя уже показалъ дѣвочкамъ, и взялъ послѣднюю, темно-синяго цвѣта въ 5 центъ изъ серіи Омага. Его

глаза блеснули, когда онъ кончикомъ указательнаго пальца слегка коснулся крошечной фигуры, стоящей на вершинѣ скалы съ развѣвающимся знаменемъ въ высоко поднятой рукѣ. „Это Фремонть, изслѣдователь Аллегановъ, обширныхъ скалистыхъ горъ, которыя простираются вдоль всей Америки. Посмотрите въ увеличительное стекло, тогда фигура яснѣе.“

„Кто былъ Фремонть?“ спросила любознательная Лиза. „Ты и это знаешь?“

Федя улыбнулся.

„Все, что мнѣ показывают мои марки, я стараюсь узнать. Какъ только получу новую марку, беру свой атласъ и отыскиваю страну, откуда она прислана. Она возбуждаетъ во мнѣ любопытство. Разобравъ почтовый штемпель, я отыскиваю городъ или гавань, и мысли мои стремятся туда, хочется знать, каково то тамъ, велика ли страна, и кто тамъ живетъ — какіе корабли приѣзжаютъ и отходятъ и что они намъ привозятъ съ тѣхъ чужихъ береговъ.“

„Фремонть родился въ началѣ прошлаго столѣтія въ Савеннѣ, въ годъ великой народной Лейпцигской битвы 1813 г., и занимался по порученію американскаго правительства изслѣдованіемъ Рокъ-Мунтена съ мая по октябрь 1842 года. Тамъ, гдѣ онъ нашелъ самый удобный переходъ, въ настоящее время проходитъ Калифорнская дорога...“

„Эй, — что вы тамъ втроемъ затѣяли!“ раздался изъ за забора голосъ, прервавшій разговоръ Феди о подвигахъ Фремонта. Это былъ Витя, который, раз-

бивъ выпавшее на его долю птичье яйцо, отсталъ отъ другихъ и съ неприятнымъ чувствомъ, вслѣдствіе дурного поступка, вернулся домой. Бойкаго мальчика такъ же, какъ и Оедю, влекло къ тихой Лизѣ, и его глаза злобно сверкнули, когда онъ увидѣлъ Оедю въ дружной бесѣдѣ съ дѣвочками.

Эти же трое, повидимому, не обрадовались его появленію. Теперь только замѣтили, что погода измѣнилась. Солнце скрылось, небо сдѣлалось сѣро и пасмурно. Вскорѣ поднялся порывистый вѣтеръ, предвѣстникъ приближающейся грозы, и зашумѣлъ въ цвѣтахъ, кустахъ и деревьяхъ сада.

„Собери марки!“ заботливо предупредила Лиза Оедю, но въ тотъ же моментъ у нея вырвался крикъ испуга. Быстро поднявшійся вихрь ворвался въ бесѣдку, и желтая Оага-марка высоко поднялась въ воздухѣ, уносимая вѣтромъ.

„Ай!“ закричалъ Витя, — „что за чудная бабочка!“ и, не обращая вниманія на жалобный возгласъ Оеди: „моя марка, ахъ, моя прекрасная марка!“ онъ бросился по направленію двора за уносимой вихремъ маркой.

Какъ Оедя ни торопился подобрать другія марки и съ альбомомъ подъ мышкой бѣжать за исчезнувшей желтой маркой, онъ все же опоздалъ. Сунувъ руки въ карманы, Витя стоялъ, прислонясь къ углу бокового флигеля, и смотрѣлъ, какъ Оедя съ озабоченнымъ видомъ розыскивалъ на дворѣ свою исчезнувшую марку, не находя ея слѣда.

„Что это, ты дождевыхъ червей ищешь!“ закричалъ онъ насмѣшливо Оедѣ, въ темныхъ глазахъ котораго блеснули скрытыя слезы. „Или ты деньги потерялъ?“ добавилъ онъ еще.

„Ищу марку,“ сказалъ Оедя, — „желтую почтовую марку, которую я только два дня тому назадъ получилъ изъ Америки. Витя, ты, вѣдь, побѣждалъ за ней. Отдай мнѣ ее, пожалуйста, если ты ее нашелъ.“

„Что ты выдумалъ!“ рѣзко отвѣтилъ Витя и всталъ передъ Оедей въ угрожающую позу. „Повтори только еще, что у меня твоя дурацкая марка, такъ я тебя приколочу. Что мнѣ за дѣло до твоей марки. Пусть ее летитъ, куда ей угодно!“

„Она у тебя—я вижу по твоему лицу!“ увѣрялъ Оедя. „Витя, вѣдь тебѣ эта марка, все равно, никуда не нужна, а я ей такъ былъ радъ. Возврати мнѣ ее.“

„Оставь меня въ покоѣ!“ сказалъ Витя и отвернулся отъ Оеди, но краска стыда внезапно появилась на его лицѣ, когда онъ увидѣлъ за собой Лизу, которая спокойно и серьезно глядѣла на него.

„Фу, Витя!“ сказала она ему только, и краска стыда еще ярче выступила на его лицѣ. „Сейчасъ отдай марку, я знаю, она у тебя въ карманѣ.“

„Такъ вотъ же вамъ ваша марка!“ вскричалъ мальчикъ, съ быстротой молніи вытащилъ изъ кармана желтую марку и въ припадкѣ гнѣва, стыда и недоброжелательства разорвалъ ее на мелкіе кусочки

и бросилъ ихъ въ ногамъ Оеди. Лицо послѣдняго передернулось, какъ бы отъ сильной боли, и онъ поспѣшно нагнулся за обрывками марки, чтобы скрыть слезы, которыя брызнули у него изъ глазъ.

„О Витя, какъ гадко!“ воскликнули возмущенно Лиза и Оля.

Въ тотъ же моментъ раздался первый ударъ грома и сильный ливень въ одно мгновеніе разсѣялъ маленькую группу. Витя первый бросился бѣжать домой.

Молча вошелъ и Оедя въ боковой флигель, гдѣ въ третьемъ этажѣ находилась квартира его матери. Въ его сердцѣ было больше боли, чѣмъ негодованія отъ гнуснаго поступка товарища. Въ немъ уже тлѣла искра истиннаго собирателя, который чувствуетъ любовь къ каждому, даже самому ничтожному предмету коллекціи.

На верху, передъ входной дверью онъ быстро смахнулъ послѣднюю слезу съ рѣсницы, чтобы мать, которая за послѣднія недѣли сдѣлалась еще тише и грустнѣе, не замѣтила ихъ.

Дома онъ убралъ альбомъ и удивился, что мѣсто у окна, гдѣ обыкновенно мать вышивала въ продолженіи многихъ часовъ, оказалось пусто. Его охватило внезапно сильное желаніе обнять мать, и онъ побѣжалъ въ кухню, гдѣ надѣялся ее застать. Но и кухня была пуста, и съ бьющимся сердцемъ онъ распахнулъ дверь въ спальню.

„Мама! Мама!“ испуганно вскрикнулъ онъ, когда

увидѣлъ ее плачущую, на колѣняхъ передъ вратью со скрытымъ въ подушкахъ лицомъ.

„Мама, ради Бога, что съ тобой?“

Поблѣднѣвшая женщина, которая не ожидала такъ скоро своего мальчижа, сразу поднялась и старалась скрыть слѣды слезъ, но Федя уже повисъ у нея на шеѣ. „Мамочка, моя мамочка,“ нѣжно умолялъ онъ ее, „что ты плачешь, что съ тобой?“

Безмолвно прижала къ себѣ мать своего единственнаго сына и снова горько заплакала.

Забота о немъ, о его будущности были причиною ея горя. Она сегодня считала и пересчитывала небольшой заработокъ, который пріобрѣтала, работая безъ устали. На квартиру, одежду и пропитаніе имъ хватало, но денегъ на ученіе въ гимназіи и на книги она не въ силахъ была заработать, еслибы и жертвовала на это еще больше часовъ сна, проводя ночи за шитьемъ.

И когда Федя, который самъ не могъ удержаться отъ слезъ, все настойчивѣе упрашивалъ, сказать ему причину ея горя, она обвила его руками и нерѣшительно, какъ бы вдвое испытывая страданіе, которое она должна была причинить своему любознательному мальчику, передала ему все, что ее удручало.

Федя поблѣднѣлъ. Въ его глазахъ выразилось отчаяніе, которое разрывало сердце матери. Бросить гимназію, можетъ быть, еще годъ или два пробыть въ народной школѣ и затѣмъ учиться какому-нибудь

ремеслу — ахъ, ему представлялись совсѣмъ другія картины будущаго. Книги, къ которымъ онъ такъ привязался — бросить, надежду сдѣлаться со временемъ ученымъ, какъ покойный отецъ, и доставить матери въ старости беззаботную жизнь, — схоронить, — это его сильно потрясло, но, при видѣ печальныхъ глазъ матери, онъ подавилъ свое горе и, прижавъ свою щеку къ ея щекѣ, прошепталъ:

„Если это должно быть, мамочка, я и этимъ буду довольствоваться! Только не плачь, мамочка, милая мамочка, только не плачь!“

Долго сидѣли мать съ сыномъ обнявшись, между тѣмъ гроза не прекращалась, молнія, сопровождаемая сильными раскатами грома, смѣнялась молніей. Въ то время, какъ бушевала непогода, чувство нѣжной любви, связывающее мать съ сыномъ, влило покой въ ихъ озабоченныя и потрясенныя сердца.

 „Что это съ нашей Лизочкой?“ спросил мастеръ Крюгеръ, когда онъ вернулся въ тотъ вечеръ домой и засталъ свою дѣвочку серьезнѣе обыкновеннаго.

„Ты, вѣрно, грозы испугалась?“

„Нѣтъ, папа!“ возразила она. „Въ школѣ насъ научили не бояться грозы. Да я ее никогда и не боялась. Жутко становится иногда, когда гремятъ раскаты грома, но я люблю смотрѣть на молнію.“

„Смотрите-ка, какая умница наша Лиза!“ сказалъ мастеръ, съ довольнымъ видомъ усаживаясь за ужинъ. „Но только я знаю мою маленькую дѣвчурку—что-то ее встревожило, не такъ-ли?“

„Ахъ, папа!“ вырвалось у Лизы, и ея обыкновенно спокойные глаза сразу загорѣлись отъ гнѣвнаго порыва, охватившаго ее снова: „Этотъ дурной мальчишка, Витя!“

И она, спѣша и сбиваясь, начала передавать отцу всю исторію съ марками: какъ Одея имъ показалъ

и объяснял марки, какъ одну изъ марокъ унесло вѣтромъ, и Витя ее затѣмъ разорвалъ, пока, совсѣмъ раскраснѣвшись отъ волненія, не окончила наконецъ свой рассказъ.

„Ай, ай, Лиза,“ сказалъ отецъ, „ты совсѣмъ разгорячилась ради вашего товарища игръ; конечно, это дурной поступокъ со стороны Вити, испортить радость бѣднаго мальчика. Такъ Федя собираетъ марки! Вотъ какъ! То, что ты мнѣ рассказала о порядкѣ и чистотѣ его альбома, мнѣ очень нравится. Я самъ пристрастился въ почтовыхъ маркамъ,“ прибавилъ онъ, самодовольно ухмыляясь, и скорѣе про себя, чѣмъ обращаясь къ женѣ и дѣтямъ, — „и не знаю для себя въ свободное время лучшаго развлечения, какъ заниматься марками. Набралъ ихъ уже порядочную коллекцію.“ Затѣмъ онъ продолжалъ вслухъ: „Новую желтую Америку, о которой ты, Лиза, рассказала, я хотя и не могу ему дать, такъ какъ у меня у самого нѣтъ, а въ моихъ двойныхъ найдутся еще такія, которыя заставятъ Федю забыть потерю его желтой марки. Давай-ка, Лиза, разберемъ послѣ ужина двойныя марки?“

Дѣвочка взглянула на него заблестѣвшими глазами.

„Завтра воскресенье, могу я ихъ снести тогда ему?“

„Да, но я пойду съ тобой. Мнѣ, какъ управляющему, надо посмотрѣть у нихъ плиту въ кухню, ее надо, говорятъ, исправить. Это, вѣрно, такъ и есть,

если это говорить Ѳедина мать, она скромная незыскательная женщина. Тогда я, заодно, посмотрю и Ѳедину коллекцію—согласна ты, Лизочка?”

Дочурка мигомъ повисла на шеѣ отца. Потомъ она живо помогла убрать со стола, на которомъ вскорѣ появился объемистый альбомъ мастера Крюгера, который онъ старательно пополнялъ въ продолженіи нѣсколькихъ лѣтъ, тратя на это развлеченіе очень мало денегъ. Трогательно было смотрѣть, какъ бережно и нѣжно, огрубѣвшіе отъ тяжелой работы, мозолистые пальцы мастера перелистывали страницу за страницей, и какъ вспыхивалъ его взоръ, при видѣ его сокровищъ. Затѣмъ онъ вынулъ изъ кармана узкій конвертъ и бережно вклеилъ въ альбомъ пару вновь приобретенныхъ марокъ на указанное для нихъ мѣсто, причемъ Лиза весело слѣдила за отцомъ. Ваня читалъ, а мать мыла и чистила рядомъ въ кухнѣ. По всему было видно: въ этомъ жилищѣ царствовалъ покой, и жили хорошіе люди.

Когда очередь дошла до двойныхъ марокъ, значительная часть ихъ перешла въ конвертъ, чтобы завтра доставить Ѳедѣ особую радость. Въ тотъ же моментъ часы съ кукушкой начали бить, и въ комнатѣ девять разъ прозвучалъ крикъ кукушки.

„Вотъ тебѣ разъ, уже девять,—маршъ, Лиза, пора спать!“

Легко и весело было на душѣ дѣвочки, когда она засыпала, радуясь завтрашнему дню.

Погода въ воскресенье оказалась не совсѣмъ-то

праздничной. Моросиль дождь, небо было свинцово-сѣрое, такъ что даже Митя и Витя, которые безуспѣшно пытались рѣзкими свистками приманить на грязный дворъ Ваню и сыновей совѣтника, вернулись, толкаясь и борясь на парадную лѣстницу, гдѣ, въ неудовольствію жильцовъ, подняли возню, съ грохотомъ вбѣгая и сбѣгая по лѣстницѣ.

Когда насталь двѣнадцатый часъ, мастеръ обратился къ Лизѣ.

„Ужъ вижу, тебѣ не терпится, дочурка!“ засмѣялся онъ и взялся за фуражку. „Идемъ!“

Весело побѣжала Лиза впередъ.

„Ахъ, господинъ Крюгеръ!“ воссылинула Ѳедина мать, открывъ дверь на звонокъ въ коридорѣ. „Вы, вѣрно, пришли осмотрѣть плиту. Благодарю васъ, что такъ скоро пришли. А вотъ и ваша маленькая дочка. Здравствуй Лизочка!“

„Иди къ Ѳедѣ,“ сказалъ г. Крюгеръ. „Вѣдь онъ дома?“ обратился онъ къ матери Ѳеди.

Появленіе Ѳеди освободило мать отъ отвѣта. Его лицо радостно просіяло, при видѣ Лизы, которая быстро отозвала его въ комнату.

„Это можно исправить,“ сказалъ между тѣмъ г. Крюгеръ, осмотрѣвъ плиту, „завтра я пришлю къ вамъ печника.“

„Теперь мнѣ бы хотѣлось зайти къ Ѳедѣ — моя дочурка рассказала мнѣ о его страсти къ почтовымъ маркамъ. Я его понимаю, потому что самъ составляю

коллекцію. Вотъ я и принесъ вашему мальчику нѣсколько марокъ, которыя его обрадуютъ.“

Дѣйствительно, тихая печаль, въ которую привела Оедю необходимость измѣнить жизненный путь, исчезла, при видѣ пачки почтовыхъ марокъ, которыя Лиза вытряхнула изъ конверта въ то время, какъ Крюгеръ разсматривалъ Оединъ альбомъ.

„Вотъ какой у тебя порядокъ!“ сказалъ Крюгеръ, кивая головой. „Хотя это еще только начало коллекціи—но каждая марка въ порядкѣ и на своемъ мѣстѣ! Да у тебя, вѣдь, еще каждая марка вклеена проволокой! Вотъ какъ! Это, вѣрно, Лиза тебя научила? Она все это у меня выслѣдила. Смотрите-ка! Да у тебя, Оеда, любой коллекціонеръ можетъ научиться порядку! Честь и слава вашему сыну. Онъ вполне заслуживаетъ обладать коллекціей. Ужъ я тебѣ помогу, дружокъ, — а теперь я тебя проэкзаменую по моимъ маркамъ, которыя я тебѣ принесъ, посмотрю всей-ли душой ты пристрастился къ составленію коллекціи.“

Марки Крюгера оказались новѣйшаго изданія. Это объяснялось тѣмъ, что они были всѣ получены изъ конторы той фабрики, въ которой Крюгеръ былъ мастеромъ, и которая имѣла сношенія съ заграницей. Старшій бухгалтеръ благосклонно относился къ хорошему работнику и, узнавъ, что Крюгеръ интересуется марками, сберегалъ для него конверты съ иностранными марками.

„Вотъ, — что это за марка?“

1895.

1893/95.

„Люксембургская, г. Крюгеръ, съ портретомъ великаго герцога Адольфа, бывшаго регента Нассаускаго!“

„Такъ. А эта?“

„Гаити, не правда-ли? Съ гербомъ изъ пушекъ и знаменемъ. О, да и съ новой пальмой съ отвисшими вѣтвями.“

„Ты даже и это знаешь? Значить, ты изучаешь альбомъ? Но такихъ ты еще, вѣроятно, совсѣмъ не видалъ?“ спросилъ Крюгеръ, показывая ему нѣсколько марокъ.

1896.

1896.

1896.

„А!“ сказала Одея съ блеснувшими глазами. „Эти изображенія мнѣ извѣстны съ картинъ искусствъ древняго вѣка, которыя висятъ въ нашемъ классѣ.“

Это—борцы кулачнаго права, здѣсь ристатель диска, а тамъ древне-греческая колесница четверкой—это новыя греческія марки, не такъ-ли?“

„Вѣрно! А эти?“

1898.

1894/95.

„О,—это японскія—нѣтъ, тѣ по другому выглядѣть—и все-же какъ похожи—а—„Chinese Imperial Post“ — китайскія марки! Ихъ я не могъ узнать. Онѣ, должно быть, совсѣмъ новыя, посмотрите сами, онѣ даже не помѣщены въ моемъ альбомѣ.“

„Правда, голубчикъ! А вотъ эти тебѣ знакомы?“

„Бразилія! Съ увѣнчанной лаврами головой Свободы, о, да четыре штуки, красная, желтая, зеленая, синяя съ чернымъ полемъ! Какія красивыя!“

Сомнѣваясь, онъ воскликнулъ: „Неужели вы ихъ всѣ мнѣ дадите, г. Крюгеръ?“

„Конечно, Одея!“ счастливо увѣряла Лиза.

„Это слишкомъ много, я не знаю какъ и благодарить васъ.“

„И не нужно; но теперь покажи мнѣ еще разъ твои новыя Омага-марки, у меня самого еще нѣтъ такихъ и мнѣ хотѣлось-бы ихъ рассмотреть. Ты

можешь мнѣ такъ-же объяснить, какъ вчера Лизѣ и Олѣ. Лиза мнѣ уже рассказывала.“

Охотно выложилъ Федя снова всѣ свои познанія, и мастеръ не разъ одобрительно кивнулъ головой.

„Въ тебѣ, мальчуганъ, дѣйствительно, кроется заправскій собиратель коллекцій! Теперь-же, Лизочка, пора собираться. Время обѣдать.“

На нѣсколько дней до пасхальныхъ каникулъ въ гимназiи былъ назначенъ день публичнаго экзамена, къ которому имѣли доступъ и родственники учениковъ.

Лева и Павля уже нѣсколько дней до головной боли зубрили къ экзамену. Отецъ ихъ всегда присутствовалъ на этихъ экзаменахъ, въ качествѣ назначеннаго правительствомъ попечителя. Особенно Павля, день рожденiя котораго приходился на третiй день послѣ экзамена, зналъ, что празднованiе этого дня зависѣло отъ познанiй, которыя онъ выкажетъ на экзаменѣ, такъ что Митя, Витя и Ваня, которые посѣщали реальное училище, должны были втроемъ проводить свободное время. Самыя заманчивыя попытки соблазнить Леву съ Павлей оставались безуспѣшны, а Федя съ той субботы, какъ узналъ о своей бѣдности, все болѣе и болѣе удалялся отъ товарищей и только изрѣдка пробирался въ садъ

къ Олѣ съ Лизой, не объясняя имъ истинной причины, почему онъ сдѣлался такимъ тихимъ и молчаливымъ.

Въ день экзаменовъ IV-го класса статскій совѣтникъ уже былъ на пути въ гимназію со своими сыновьями, которые шли серьезные и озабоченные, тогда какъ Одея только еще приготовлялся идти въ гимназію. Прежде, бывало, мать провожала его въ такой день и, когда въ своемъ старомъ шелковомъ платьѣ сидѣла въ углу актовaго зала, не спуская съ него глазъ, она казалась ему вдвое почтеннѣе, и онъ отвѣчалъ на вопросы учителя, какъ бы для нея одной. Сегодня она отговорилаь необходимой спѣшной работой, которая, будто бы, мѣшала ей пойти на экзаменъ — на самомъ-же дѣлѣ, она не могла его видѣть на скамьѣ, съ которой онъ долженъ будетъ, вслѣдствіе необходимости такъ скоро разстаться.

Въ первомъ отдѣленіи — во время экзамена по латинскому языку, статскій совѣтникъ раза два слегка кивнулъ головой, въ знакъ своего одобренія, такъ что Лева съ Павлей вздохнули съ облегченіемъ. У нихъ пошло хорошо. Съ Одей, первымъ ученикомъ IV-го класса, ни они, ни кто изъ другихъ не могли равняться, и было явно, что старшій наставникъ зналъ, что у Оеди на каждый вопросъ всегда готовъ точный отвѣтъ, такъ какъ онъ всегда къ нему обращался, когда кто-нибудь не могъ отвѣтить, и сейчасъ-же получалъ отъ Оеди точный отвѣтъ.

Директоръ гимназіи, сидѣвшій рядомъ со статскимъ совѣтникомъ и внимательно слѣдившій за экзаменомъ, тихонько разговаривалъ со своимъ соседомъ, и ихъ взоры, обращавшіеся на Оеда, выдавали, что рѣчь шла о немъ. Второе отдѣленіе состояло изъ экзамена по географіи и исторіи, и здѣсь сынъ бѣдной вдовы учителя поразилъ не только экзаменующихъ учителей, но и школьный совѣтъ и присутствующихъ слушателей. Не было почти ни одного государства земного шара, въ которомъ онъ не могъ бы назвать главныхъ городовъ и гаваней; ни одного изъ царствующихъ особъ Европы, имя котораго было бы ему неизвѣстно, ни одной страны, главныя историческія событія которой онъ не могъ бы упомянуть коротко и точно. Его познанія далеко опередили программу IV-го класса, и экзаменующій учитель, увлеченный познаніями Оеди, задавалъ ему вопросы, все болѣе забѣгая впередъ. Съ блестящими глазами и раскраснѣвшимся лицомъ, Оедя давалъ прекрасные и точные отвѣты даже на самые отвлеченные вопросы и проявлялъ свои познанія, приобрѣтенныя изслѣдованіемъ почтовыхъ марокъ.

Экзамень кончился. Директоръ объявилъ, что остался доволенъ отвѣтами и затѣмъ публично обратился къ Оедѣ съ теплыми словами похвалы и указалъ на него другимъ ученикамъ взять его себѣ въ примѣръ. Глаза Оеди отуманились слезами, когда директоръ, подавъ ему руку, посоветовалъ ему про-

должать такъ-же и дальше. Какъ только классы были распушены, Оеда поспѣшилъ выйти изъ гимназіи на воздухъ, такъ какъ грудь его разрывалась одновременно и отъ радости и отъ тоски.

Но не успѣлъ онъ достигнуть выходной двери, какъ увидѣлъ Леву съ Павлей. Въ глазахъ послѣдняго свѣтилась искренняя радость.

„Браво, Оеда!“ громко и весело крикнулъ онъ. „Ты сегодня весь IV классъ выручилъ!“ А болѣ тихій Лева прибавилъ: „Откуда только ты все это знаешь—вѣдь мы въ классѣ еще ничего не проходили изъ того, о чемъ тебя спрашивалъ учитель!“

Оеда пробормоталъ въ отвѣтъ нѣсколько невнятныхъ словъ и, достигнувъ двери, пустился почти бѣгомъ въ маленькую квартиру матери.

„Берите примѣръ съ вашего перваго ученика!“ свазалъ статскій совѣтникъ, обращаясь къ Левѣ съ Павлей, шедшимъ около него съ довольными лицами.

„Вы порядочно отвѣчали, и я доволенъ—но чего можно достигнуть стараніемъ, показалъ вамъ этотъ мальчикъ. Кстати, какъ его фамилія?“

„Оеда Гердингъ!“ воскликнули оба въ одинъ голосъ, и Павля прибавилъ: „Ты-же долженъ его знать, папа! Онъ живетъ въ одномъ домѣ съ нами, въ боковомъ флигелѣ.“

„Гм!“ пробормоталъ статскій совѣтникъ.

Когда-же на слѣдующій день жена его хлопотала въ кухнѣ, приготовляя къ рожденію Павли, къ

пріему маленькаго кружка товарищей, которыхъ мальчикамъ позволено было пригласить, она была очень удивлена появленіемъ мужа въ кухню, въ которую онъ никогда не входилъ. Увѣренная, что дѣло касается важныхъ переговоровъ, она поспѣшила сбросить передникъ и пошла вслѣдъ за мужемъ, который уже въ коридорѣ, смѣясь, объявилъ ей: „Мнѣ бы хотѣлось пригласить на завтра еще гостя на твою вечеринку, милая Маня!“

„И ты? У меня тоже къ тебѣ просьба, разрѣши пригласить еще мальчика, который одною не принадлежитъ къ нашему кругу. Павля и Оля меня объ этомъ очень просили, это ихъ товарищъ здѣсь въ домѣ, скромный, благовоспитанный мальчикъ...“

„И зовутъ его Оеда Гердингъ,“ смѣясь докончилъ статскій совѣтникъ. „Въ такомъ случаѣ моя рѣчь излишня, такъ какъ я хотѣлъ тебѣ предложить пригласить этого-же мальчика. То, что я видѣлъ и слышалъ отъ него на экзаменѣ, побудило меня пожелать, чтобы Лева съ Павлей сошлись съ нимъ ближе, какъ съ другими товарищами. Отъ него они могутъ научиться только хорошему. Надо будетъ, кромѣ того, узнать, въ какихъ обстоятельствахъ онъ живетъ. Да — я хотѣлъ тебѣ еще сообщить, что пригласилъ на завтра директора гимназіи и г. Фрейганга на стаканъ чаю. Ты, конечно, согласна?“

„Конечно, очень рада!“ увѣряла жена, довольная, что сейчасъ-же можетъ поручить Павлѣ съ Левой написать приглашеніе—что было встрѣчено въ дѣт-

ской съ шумной радостью и выполнено съ непредвидѣнной быстротой.

На лѣстницѣ статскому совѣтнику попался на встрѣчу Крюгеръ. Статскій совѣтникъ охотно вступалъ въ бесѣду съ честнымъ мастеромъ, который съ образцовой точностью исполнялъ свои обязанности управляющаго въ отношеніи всѣхъ жильцовъ.

„Скажите, пожалуйста, г. Крюгеръ, вы знаете вѣдь всѣхъ жильцовъ въ домѣ?“

„Конечно, ваше превосходительство, всѣхъ до одинаго!“

„Скажите — меня очень интересуешь маленькій Федя Гердингъ — кто его родители?“

По лицу Крюгера можно было судить, что этотъ вопросъ его интересовалъ.

„У него отца нѣтъ, мать — бѣдная вдова, ваше превосходительство, ея мужъ былъ учитель и умеръ нѣсколько лѣтъ тому назадъ. Средства у нихъ нѣтъ никакихъ, живутъ трудомъ: мать мальчика съ утра до ночи вышиваетъ для одного здѣшняго магазина.“

„Такъ! Дѣлаетъ ей честь, что она даетъ сыну воспитаніе.“

Глаза Крюгера блеснули.

„Молодецъ, этотъ мальчишка!“

„Вы его тоже знаете? Я желалъ бы, чтобы оба мои сына были такими-же прекрасными учениками. У него, должно быть, особенныя способности къ географіи и исторіи. Онъ на экзаменѣ прямо поразилъ всѣхъ своими познаніями.“

„Это все онъ приобрѣлъ, благодаря своей коллекціи!“ сказалъ Крюгеръ.

„Что? Благодаря коллекціи? Какой коллекціи?“

„Его коллекціи почтовыхъ марокъ!“

И тутъ Крюгеръ въ короткихъ словахъ разсказалъ, какъ познакомился съ Федей. Внимательно выслушалъ его статскій совѣтникъ, пожалъ руку мастеру и, задумавшись, спустился по лѣстницѣ.

Федея былъ приглашенъ. Лицо Федей сіяло отъ радости, мать его также чувствовала и радость и удовлетвореніе, но такое чувство быстро исчезло, когда ей пришло на умъ, что, съ уходомъ Федей изъ гимназіи, приглашеніе, вѣрно, не повторится.

Но она не хотѣла лишиться своего единственнаго сына радости и, когда онъ заснулъ, принялась чистить его лучшее платье, выгладила пестрый шелковый галстухъ, чтобы ея сынъ былъ на слѣдующій день одѣтъ опрятно и чисто и внѣшнимъ своимъ видомъ не очень бы отличался отъ своихъ товарищей, которымъ чужды были забота и нужда.

Когда на слѣдующій день, послѣ обѣда Федея съ бьющимся сердцемъ подымался по лѣстницѣ главнаго флигеля, его одежда, хотя и была проще, чѣмъ у другихъ изъ приглашенныхъ дѣтей, но не уступала ни одному изъ нихъ по чистотѣ и опрятности. Замѣшательство, овладѣвшее имъ сразу, скоро исчезло. Привѣтливо встрѣтила его жена статскаго совѣтника, а Оля и Павля съ Левою отнеслись къ нему очень сердечно. Время быстро летѣло въ ве-

селыхъ играхъ и угощеніи разными лакомствами, такъ что незамѣтно наступилъ вечеръ.

Съ наступленіемъ вечера явился г. Фрейгангъ, служившій въ министерствѣ юстиціи и директоръ училища. Но прежде чѣмъ пригласить въ кабинетъ хозяйка потребовала, чтобы они закусили.

„Ужъ извините,“ смѣясь сказалъ статскій совѣтникъ, когда къ нимъ донесся шумъ и веселый крикъ дѣтей изъ сосѣднихъ комнатъ, выходящихъ на дворъ — „у моихъ мальчиковъ пиръ и у нихъ собралось большое общество. Вашъ Оеда Гердингъ, котораго вы мнѣ такъ хвалили на экзаменѣ тоже у насъ,“ обратился онъ къ директору.

„Онъ дѣлаетъ честь нашей гимназіи!“ сказалъ этотъ съ нѣкоторой гордостью. „По немъ вы можете судить о нашей школѣ.“

„Ну, а что, если я увѣрю васъ, что этотъ первый ученіе пріобрѣлъ свои познанія по географіи и исторіи совсѣмъ изъ другого источника, а не изъ вашей, встаети сказать, отличной гимназіи?“ замѣтилъ, подмигнувъ лукаво, статскій совѣтникъ.

„Это едва ли возможно!“

„И все-таки—это такъ. Я это узналъ случайно. Знаете, кому Оеда обязанъ своими выдающимися познаніями по этимъ предметамъ? Своей коллекціи почтовыхъ марокъ!“

„Вы шутите, ваше превосходительство! Какъ можетъ такая, откровенно говоря, бесполезная страсть...“

„Тише, тише, г. директоръ! Бесполезная — Гер-

дингъ, кажется, доказалъ намъ противное. И эта страсть раздѣляется теперь самыми извѣстными и учеными людьми. Нашъ главный предсѣдатель не находитъ лучшаго развлеченія, какъ свою коллекцію почтовыхъ марокъ, а вы знаете ему недалеко до портфеля министра.“

„Вамъ наговорили вздоръ!“

„Намъ легко убѣдиться въ истинѣ,“ спокойно замѣтилъ совѣтникъ и позвонилъ. „Приведите сюда на минуту Федю Гердинга!“ приказалъ онъ вошедшей горничной.

Вскорѣ Федя стоялъ передъ ними.

Директоръ хотѣлъ обратиться къ нему съ вопросомъ, но статскій совѣтникъ предупредилъ его.

„Мы слышали, Федя, что ты собираешь почтовые марки; правда это?“

Мальчикъ чистосердечно подтвердилъ это.

„И что, благодаря имъ, ты почувствовалъ особое стремленіе заняться исторіей и географіей; правда это?“

„Да!“

„Странно,“ воскликнулъ директоръ, „какъ тебя пристрастили къ ученію эти бумажки!“

Пораженный смотрѣлъ Федя съ одного на другого.

„Я думаю, это легко рѣшить!“ заявилъ статскій совѣтникъ и, хлопнувъ Федию одобрительно по плечу, прибавилъ: „Федя, голубчикъ, сбѣгай скорѣй домой, принеси твои марки и по нимъ объясни намъ, что говорилъ сейчасъ. Хорошо?“

Одея быстро исчезъ и вернулся черезъ нѣсколько минутъ съ альбомомъ въ рукахъ.

Совѣтникъ на-удачу открылъ альбомъ:

„Негритянская республика Либерія. Вотъ здѣсь всего только одна марка. Что ты можешь намъ тутъ рассказать, мой другъ?“

1892.

1887.

1897.

„Эта марка въ 12 центъ съ изображеніемъ негритянки,“ скромно пояснилъ мальчикъ. „Когда я ее получилъ, то увидѣлъ на ней штемпель: Монровія. Я взялъ свой атласъ и нашелъ на западномъ берегу Африки республику и изъ учебника географіи узналъ о ея величинѣ и о числѣ жителей. Но негритянка и негрская республика не давали мнѣ покоя до тѣхъ поръ, пока я не отыскалъ въ большомъ лексиконѣ моего покойнаго отца того, что въ 1816 г. въ Соединенныхъ Штатахъ составился союзъ для устройства колоній и заселенія ихъ выкупленными на свободу рабами и что въ 1821 году къ востоку отъ Капъ-Мизурадо была куплена береговая полоса, и колонизація началась тѣмъ, что тамъ поселили 39 негрскихъ семействъ. Колонія такъ быстро

разраслась, что уже въ 1847 г. она могла объявить себя независимой республикой, которая вскорѣ была признана и Европейскими державами. Правленіе теперь уподоблено устройству Сѣвероамериканскихъ Соединенныхъ Штатовъ.“

Статскій совѣтникъ и директоръ переглянулись.

„Гм!“ пробормоталъ послѣдній и, перевернувъ на-угадъ нѣсколько страницъ, указалъ на одну изъ марокъ.

„Любопытно, чему эта марка тебя научила? Что это за марка?“

„Ньюфаундлендская въ 2 цента, г. директоръ. Она изображаетъ Кабижу. Я давно замѣтилъ, что изображенія на почтовыхъ маркахъ находятся въ связи съ самой страной, ея производствомъ и предметами вывоза страны. Ужъ у насъ на урокъ географіи было говорено, что на Ньюфаундлендскомъ островѣ производится главнымъ образомъ ловля этой рыбы. Черезъ марку же я узналъ, что ловля и вывозъ кабижу даетъ ежегодно приблизительно 6 милліоновъ дохода на наши деньги и что норвежцы первые открыли Ньюфаундлендъ во время рыбной ловли и за его скалистый характеръ назвали его Халлуландъ, что значитъ каменная страна. Только въ 1497 году его открылъ вновь мореплаватель Гіованни Кабо, состоявшій на англійской службѣ, портретъ котораго изображенъ на юбилейной маркѣ въ 2 цента, выпущенной въ 1897 году. Такъ какъ онъ вновь открылъ эту страну, то островъ назвали

Ньюфаундлендомъ, т. е. „вновь найденный.“ Позднѣе французы заявили на него свои притязанія и въ 1708 году совершенно разрушили главный городъ С.-Ионъ. Въ 1713 году по Утрехтскому миру весь островъ возвращенъ англичанамъ.“

Г. Фрейгангъ, который до сихъ поръ мало принималъ участія, заинтересовался теперь тоже марочной исторіей и, наклонившись надъ альбомомъ, спросилъ, когда хозяинъ открылъ новую страницу:

„А что, ты такъ же хорошо разбираешься въ портретахъ, какъ въ изображеніяхъ рыбъ и негритяновъ? Кто же, вотъ это?“

1856/67.

1863/66.

1868/71.

„Это проповѣдникъ Гидальго!“ не задумываясь, объявилъ Федя. Это двѣ мексиканскія марки, которыя были выпущены въ 1874 году. Гидальго, собственно донъ Мигуело Гидальго Кастилла, былъ патеромъ въ Долоресѣ и въ 1810 году сталъ во главѣ мексиканскихъ креоловъ, хотѣвшихъ сбросить съ себя испанское иго, которое несли уже триста лѣтъ. Сначала онъ одерживалъ побѣды, но на слѣдующій годъ былъ выданъ испанцамъ и казненъ. При Итур-

бидѣ, который затѣмъ короновался подѣ именемъ императора Августа I Мексиканскаго, совершилось освобожденіе Мексики, приписываемое первому побужденію Гидальго, почему онѣ до сихъ порѣ читается

1874.

1872.

1884.

мексиканцами. Есть цѣлый рядъ изданій марокъ съ изображеніемъ его портрета въ разныхъ видахъ; посмотрите, здѣсь въ первыхъ изданіяхъ 1856 г., 1863/66 г.г. и послѣ недолгаго правленія императора Максимилиана въ 1868 году и въ слѣдующихъ годахъ. Здѣсь въ альбомѣ изображены эти марки — онѣ большею частью очень рѣдкія, и мнѣ ихъ уже трудно получить.“

1866.

„Я думаю этого достаточно, г. директоръ!“ засмѣялся статскій совѣтникъ. „Признаете вы себя побѣжденнымъ.“

„Въ самомъ дѣлѣ, я ничего подобнаго не подозревалъ. То, что я считалъ бессмысленнымъ времяпрепровожденіемъ, оказалось, можетъ быть, источникомъ серьезнаго и хорошаго изученія,“ сказалъ

директоръ и добавилъ: „Ступай теперь, Оеда Гердингъ! Продолжай такъ далѣе учиться и изъ тебя выйдетъ впоследствии дѣльный человѣкъ.“

Тутъ вдругъ слезы неудержимо полились изъ глазъ мальчика, и полуподавленное рыданіе вырвалось изъ его груди.

„Что же это? Что съ тобой, голубчикъ?“ спросилъ статскій совѣтникъ. „Объясни, что съ тобою? Что у тебя на душѣ, повѣрь намъ.“

Прошло нѣкоторое время, пока Оеда, запинаясь, могъ тихо проговорить:

„Я долженъ повинуть гимназію — мы бѣдны — я долженъ учиться какому нибудь ремеслу...“

Всѣ трое переглянулись и обмѣнялись быстрымъ взглядомъ.

„Иди теперь, дружокъ,“ сказалъ статскій совѣтникъ, погладивъ его по головѣ. „Мы втроемъ обсудимъ, какъ помочь твоему горю, а потомъ я поговорю и съ твоей матерью. Мужайся и надѣйся!“

То, что обсуждали статскій совѣтникъ и его два гостя, узнала черезъ нѣсколько дней въ неописанной радости и мать Оеди. Оеда былъ принятъ безплатно въ гимназію, а затѣмъ статскій совѣтникъ съ совѣтникомъ юстиціи приняли на себя расходъ по приобрѣтенію книгъ и обмундированію мальчика.

Лиза и г. Крюгеръ отъ души порадовались благополучному исходу, и когда вскорѣ послѣ того Лиза встрѣтила Витю, то остановила его и сказала:

„Помнишь Оедину желтую американскую марку, которую ты разорвалъ? Она принесла ему счастье— вотъ тебѣ!“

Оеда не покидалъ своей коллекціи, которая оказалась для него и его любимой матери источникомъ счастья.

Abonnements-Einladung auf die

Deutsche
Briefmarken-Zeitung
Illustrierte Zeitschrift
für Postwertzeichen-Kunde.

XIV Jahrgang 1903.

Mit vorzüglichem Anzeigenblatt.

Inserate geschmackvoll ausgeführt, wirksam und billig.

Herausgegeben von Hugo Krötzsch

LEIPZIG.

Lange Str. 22.

Jährlich 12 Nummern

durch eine Buchhandlung oder die Post bezogen halbjährlich Mark 2.50,

direkt vom Herausgeber Mark 2.50 postfrei.

Einzelnummern à 50 Pfennig.

Organ vieler unserer besten in- und ausländischen Vereine.

Probenummern gegen Doppelkarte auf Verlangen gratis.

Der rein originale fachwissenschaftliche Inhalt aus der Feder unserer hervorragendsten Fachschriftsteller, die eingehende, sachliche und fachkundige Behandlung wichtiger Tagesfragen, durch vorzügliche Verbindungen im In- und Auslande gegebene kurze interessante Notizen unter „Vermischtes“, klare Fälschungsberichte und eine gutgeleitete Meldung der Neuheiten in Verbindung mit guter illustrativer und typographischer Ausstattung, wird die „Deutsche Briefmarken-Zeitung“ als bestes deutsches Fachblatt auch in Zukunft bestehen lassen, zumal nur Originalartikel Aufnahme finden und kein Abdruckrecht der Artikel vergeben wird.